

НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ

(Факты и документы)

ВЫПУСК ДВЕНАДЦАТЫЙ

174325

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	<i>Стр.</i>
Ф Р О Н Т	
Капитан Сафонов. — <i>А. Склезнев, Н. Бобров</i>	4
Пятерка гордых орлов. — <i>Я. Грин</i>	5
Герои Советского Союза Андрей Ложечников и Степан Мошков- ский	8
Краснознаменный авиаполк	8
Пархоменцы. — <i>В. рученкин</i>	10
Война рождает героя. — <i>Н. Атаров</i>	14
Младший лейтенант Семен Киржнер. — <i>О. Курганов</i>	17
Заместитель политрука Груздев. — <i>Дан. Фибих</i>	20
Храбрый человек. — <i>Вл. Тихомиров</i>	22
Священный долг. — <i>П. Северов</i>	24
Разведка жизнью. — <i>Борис Горбатов</i>	27
Поединок. — <i>Е. Габрилович</i>	29
Гибель черного пирата. — <i>Л. Шутов</i>	31
Т Ы Л	
Командармы нашей индустрии. — <i>К. Непомнящий</i>	34
Творцы советских танков. — <i>Г. Питерский, Н. Дедков</i>	35
По-новому, по-военному. — <i>Д. Плешивов</i>	38
Достойная замена. — <i>Ал. Миронов</i>	39
Станки попадут в надежные руки. — <i>А. Камский</i>	41
Школа стахановки Солодковой. — <i>В. Павлов</i>	43
Патриотический и трудовой подъем. — <i>М. Павлинов</i>	44
Комсомольцы экономят горючее. — <i>Р. Постоловская</i>	46
Кузнец. — <i>В. Дружинин</i>	47

Редатор *Е. Кингисепп.*

Подписано к печати 13 декабря 1941 г. Л173182. Объем 3 п. л. 38 тыс. зн. в 1 п. л.
Заказ № 3168. Цена 45 коп.

1-я Образцовая тип. Огиза РСФСР треста „Полиграфкнига“, Москва, Валовая, 26.

**ЗА РОДИНУ,
ЗА ЧЕСТЬ, ЗА СВОБОДУ!**

КАПИТАН САФОНОВ

Только что закончился короткий, но стремительный воздушный бой. На прибрежной скале догорал вражеский самолет.

Среди сопок раскинулся аэродром, где все поджидали возвращения капитана Сафонова.

Вот и он. Из тяжелых облаков выскользнул и пошел вниз «ястребок». Поднимая полы кожаного пальто, на землю спрыгнул высокий, крепко сложенный человек. Стянутое шлемом лицо его еще отражало напряжение только что закончившегося поединка.

Сафонова обступили плотным кольцом его боевые товарищи.

— Минут пятнадцать шел я за фашистом, держался метрах в шестистах от него. Стрелок все палил и палил из пулемета. Вижу, кончаются у него патроны. Подошел поближе и с одной очереди снял стрелка, а потом ударил из пушки по мотору. Задымил фашист, но продолжает лететь. «Ладно, — подумал я, — все равно сниму». Зашел поудобнее и дал очередь из пулеметов. Фашист камнем полетел вниз.

Летчики с восхищением слушали своего командира.

Бывший тульский паровозник Борис Феоктистович Сафонов шесть лет водил боевые корабли над необъятными просторами нашей Родины. Он привык видеть ее счастливой, цветущей. И когда над аэродромом прозвучала первая боевая тревога, Сафонов вместе со своим подразделением истребителей взмыл в воздух. Его самолет смело врезался в строй фашистской воздушной армады, которая шла бомбить мирное население одного из крупных городов Советского Заполярья. В этом бою Сафонов открыл свой счет сбитых самолетов противника.

Несколько десятков вражеских бомбардировщиков вывалилось однажды из густых облаков. Фашисты вновь

пытались бомбить район города. Капитан Сафонов с летчиками своего подразделения врезался в строй бомбардировщиков и разбил его. Затем капитан бросился к ведущему «Юнкерсу», и на высоте 1 500 метров началась смертельная борьба. Скоро «Юнкерс» загорелся и упал в залив.

На-днях на аэродром позвонили из отряда краснофлотцев, героически дерущегося в горах с вдвое превосходящим его по численности противником. Моряки сообщили, что над их позициями появилось 27 вражеских бомбардировщиков и 15 истребителей. Через две минуты подразделение капитана Сафонова, только что возвратившееся после воздушного боя, вновь поднялось в воздух.

Появление сафоновцев ошеломило фашистов. «Мессершмитты» бросились врассыпную, а бомбардировщики начали сбрасывать фугасные бомбы в район расположения своих войск. Сафонов и его товарищи в этом бою сбили восемь вражеских самолетов.

Советское правительство присвоило капитану Сафонову звание Героя Советского Союза. Пожимая руки поздравлявшим его друзьям, капитан заявил:

— Били, бьем и будем бить фашистов до тех пор, пока совершенно не очистим от них советское небо.

**А. СКЛЕЗНЕВ
Н. БОБРОВ**

«Известия» от 19 сентября 1941 г.

ПЯТЕРКА ГОРДЫХ ОРЛОВ

Преображенский, Хохлов, Плоткин, Ефремов, Гречишников — пять храбрецов, вступивших в семью Героев Советского Союза. Разные по возрасту, по летной подготовке, по стажу, даже по характеру, они объединены едиными чертами советских летчиков: неудержимым летным порывом, железной стойкостью и выносливостью. Неустойчивость в полете этой славной пятерки, ее хладнокровие и выдержка приводят в восхищение даже скупое на похвалы командование соединения.

Законы войны не позволяют пока подробно рассказать о беспримерных подвигах, совершенных этой пятеркой гордых советских орлов. Можно лишь с уверенностью заявить, что в истории советской авиации дела командиров

Преображенского, Хохлова, Плоткина, Ефремова и Гречишниковца займут такое же почетное место, как полеты Коккинаки и Осипенко.

* * *

Четырнадцать лет тому назад молодого паренька Евгения Преображенского вызвали в комитет комсомола.

— В летную школу пойдете? — спросил секретарь.

— Охотно, — с радостью ответил юноша.

Так с путевкой комсомола начал свой летный путь Герой Советского Союза полковник Преображенский. Быстро пролетели годы ученичества, у молодого орленка выросли крепкие крылья. Авиация стала для Преображенского родной стихией.

Первое боевое крещение он получил в суровую зиму 1939 года. В боях с белофиннами летчик-командир отличился как мастер дерзких полетов в далекие тылы врага. Под меткими ударами с самолетов, которые вел Преображенский, взлетали на воздух белофинские укрепления. Орденом Ленина отметило правительство его выдающиеся заслуги в этой войне.

Начало Отечественной войны застало Преображенского на посту командира авиационного подразделения. Следуя личному примеру своего бесстрашного командира, летчики подразделения Преображенского бомбили военные объекты фашистов, топили вражеские корабли, громили колонны танков и пехоты противника. Там, где врагу надо нанести наиболее неожиданный и стремительный удар, — там поднимаются в воздух летчики подразделения полковника Преображенского.

Преображенский — прирожденный летчик. Он в состоянии часами сидеть за штурвалом и вести боевую машину сквозь штормы, неизведанные тучи, сквозь заградительный огонь противника вперед и вперед к заданной цели.

Е. Н. Преображенский принадлежит к породе тех отважных людей, в которых опасность вселяет еще большую уверенность и выдержку.

Недавно во время трудного и ответственного полета машина, которую вел полковник, попала в кольцо лучей вражеских прожекторов.

— Нас окружают! — доложил командиру штурман капитан Хохлов, ныне также Герой Советского Союза.

— Все в порядке! — спокойно ответил Преображенский, продолжая вести самолет к цели.

Что может быть важнее в такие минуты, как уверенность и самообладание командира? «Раз все в порядке, значит в порядке», — решил штурман и прилежно занялся своими расчетами. И на самом деле, фашистам не удалось нащупать лучами своих прожекторов советский самолет в ночном небе. Выполнив боевую задачу, храбрые летчики благополучно вернулись на базу.

В другом полете самолет полковника Преображенского получил несколько пробоин. Снаряды то и дело разрывались вокруг машины. Но мужественный экипаж не уклонился от заданного курса. Полковник повернул обратно лишь после того, как сбросил бомбы на заданную цель.

Ближайший помощник полковника Преображенского, его неизменный спутник в дерзких и дальних полетах — Герой Советского Союза П. И. Хохлов.

— Железные нервы и светлая голова, — так отзываются о капитане Хохлове его боевые товарищи.

Математику штурман Хохлов любит со страстью энтузиаста, относится к этой науке с большим уважением, а потому расчеты его всегда точны. Всесторонние знания Хохлова проверялись и в дальних рейдах над лесами Финляндии. Они блестяще вновь подтверждены на фронтах священной Отечественной войны.

Боевого командира Героя Советского Союза капитана М. Н. Плоткина отличает исключительное спокойствие и уравновешенность. Он успевает быть всегда там, где решается успех боевого задания. В полете Плоткин непреклонен. Хладнокровно, с неумолимой точностью он посылает на головы ненавистного врага тонны смертоносного металла.

Капитан Плоткин, так же как и Герой Советского Союза А. Я. Ефремов, принадлежит к воспитанникам полковника Преображенского.

Для капитана Ефремова морские цели — самые излюбленные. Он выдающийся мастер точного пикирования. Группа вражеских транспортов испытала на себе его искусство. Ефремов отправил на дно моря не один вражеский корабль.

Активным помощником в этом был ему Герой Советского Союза Гречишников — один из славной героической пятерки.

Я. ГРИН

ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА АНДРЕЙ ЛОЖЕЧНИКОВ И СТЕПАН МОШКОВСКИЙ

Герои Советского Союза майор А. А. Ложечников и старший лейтенант С. Ф. Мошковский — летчики.

Майор Ложечников командует подразделением штурмовой авиации. Во главе своего подразделения он совершает налеты на немецкие аэродромы и танковые колонны.

На-днях майор Ложечников, вылетев на оперативное задание, атаковал аэродром противника и, несмотря на ураганный огонь зенитной артиллерии, разбил более двадцати немецких самолетов. Один из снарядов повредил мотор в машине Ложечникова. С большим трудом удалось ему перелететь линию фронта и совершить посадку.

Старший лейтенант Мошковский командует эскадрильей. Он совершил большое количество боевых вылетов, лично сбил в воздушных боях «Юнкерс-88» и «Мессершмитт-109». Совместно с другим летчиком он сбил еще два самолета и уничтожил на земле 8 автомашин, 5 зенитных точек и 30 мотоциклистов.

Однажды Мошковский заметил в воздухе два фашистских бомбардировщика. Разворачиваясь для боя, он сам подвергся атаке двух истребителей противника. Во время лобовой атаки Мошковский таранил один из самолетов противника. Второй вражеский истребитель, не приняв боя, бежал. Свой самолет с разрушенными стабилизатором и рулем глубины, с пробитым колесом Мошковский благополучно посадил на аэродроме.

Мошковский — молодой летчик. В 1934 году, работая десятником на шахте, он был послан профорганизацией в аэроклуб. Окончил учебу без отрыва от производства. Работал инструктором-общественником в аэроклубе. Будучи призван в Красную Армию, т. Мошковский попал в школу летчиков, которую и закончил. Сейчас Мошковский — летчик высокого класса, показывающий образцы мужества и героизма.

«Известия» от 12 сентября 1941 г.

КРАСНОЗНАМЕННЫЙ АВИАПОЛК

— Не жалея своих сил и самой жизни, будем громить ненавистного врага до полного его уничтожения, — поклялись летчики, командиры и политработники 72-го авиационного полка, узнав о нападении фашистских орд на нашу Родину.

Эта священная клятва повседневно претворяется в славные дела. Летчики доблестного полка наносят серьезные удары по аэродромам, авиации, морским транспортам, скоплениям войск и механизированных колонн противника.

В первые пятьдесят дней войны летный состав имел множество схваток с врагом. Летчики сделали свыше трех тысяч боевых вылетов. В среднем каждый летчик сделал по пятьдесят боевых вылетов, а лучшие из них и больше.

От ударов сталинских соколов 72-го авиационного полка фашисты за два первых месяца войны потеряли более 100 самолетов, а за первые дни сентября еще 42 машины. Вместе с самолетами погибло свыше 300 фашистских летчиков.

Эскадрильями и звеньями полка потоплено до десяти транспортов, груженных вооружением и живой силой врага. Миноносцу и нескольким немецко-финским транспортам нанесены тяжелые повреждения.

Уничтожено также несколько батарей, много автомашин и гужевого транспорта. Серьезные разрушения причинены портовым сооружениям и причалам вражеских морских баз.

Большой урон, который полк наносил фашистам, вызывает ярость врага. Десятки раз фашистские самолеты налетали на аэродром полка, сбрасывая фугасные, осколочные и зажигательные бомбы. Но благодаря бдительности командиров и летчиков полка, благодаря умелой маскировке ни одно из усилий врага не увенчалось успехом. Летный состав героически бил и продолжает бить противника в воздухе, на суше и на море.

Гордость полка — его люди, отважные искусные летчики, такие, например, как капитан Иван Туманов.

Однажды Туманов получил приказ внезапно налететь со своим звеном на вражеский аэродром в Н и уничтожить его материальную часть и живую силу. Погода стояла прескверная. Высота облачности не превышала 100—150 метров. Но звено Туманова летает в любую погоду. И на этот раз оно отлично провело сложную операцию. Удар, обрушившийся на голову врага, был до того сокрушительным, что фашисты вынуждены были покинуть аэродром совсем.

Когда звено Туманова возвращалось обратно, погода еще более ухудшилась. Облака нависли в 50—70 метрах над землей. Тем не менее Туманов и его боевые соратники пробили облачность и мастерски совершили посадку на свой аэродром.

Славные летчики 72-го авиационного полка готовы к дальнейшим подвигам во славу любимой Родины.

Указом Президиума Верховного Совета СССР полк награжден орденом Красного Знамени.

«Правда» от 18 сентября 1941 г.

ПАРХОМЕНЦЫ

Советский народ хорошо помнит героические подвиги этой кавалерийской дивизии. В годы гражданской войны ее водил по необъятным просторам легендарный полководец Пархоменко. Лихие конники беспощадно громили врагов. Острые клинки пархоменцев не раз обращали в бегство белогвардейские банды.

И вот настал грозный час, когда нам пришлось снова оседлать коней и ринуться в бой на лютого врага человечества — на зарвавшихся германских фашистов.

Эти дни Отечественной войны с гитлеровскими ордами лучше и ярче всего показали, как свято хранят боевые традиции прошлых лет смелые кавалеристы Пархоменской дивизии.

На протяжении 60 дней наша дивизия вела непрерывные ожесточенные и интенсивные бои с врагом. Противник бросал против нас свои лучшие, отборные части, в том числе и крупные мотомеханизированные силы. Против нас были выставлены 16-я бронетанковая дивизия, 60-я мотомеханизированная дивизия, 68-я пехотная дивизия и другие немецкие воинские соединения.

В боях под Кременцом, Дубно, Тарашей, Катербургом, в деревнях Яхны, Степанцы, на реке Рось — всюду пархоменцы показывали образцы беспримерного мужества, стойкости и отваги.

В районе Кременца противник четыре раза переходил в атаку. Шесть дней шли непрерывные жаркие бои. Против нас были выставлены 100 танков, мотопехота, батальон мотоциклистов и 40 бронемашин. После того как все эти атаки были отбиты с большими потерями для противника, он попытался нас окружить. Но из этого ничего не получилось.

В этом бою особенно отличился воспитанник комсомола, храбрый конник, командир сабельного эскадрона Дмитрий Полищук. Он первым принял удар неприятеля. Его эскадрон был головным отрядом, который отразил 12 атак подряд. Он не дал противнику прорваться к железной дороге — одному из важнейших рубежей, занимаемых нами.

Враг понес в этом бою крупные потери. На поле боя он оставил около 500 человек убитыми, 30 танков, 12 бронемашин, 50 грузовых машин, 34 тяжелых и 40 легких пулеметов. Нашим зенитчикам удалось сбить 3 самолета. Части неприятеля решительным контрударом были опрокинуты.

Памятным остался и бой в районе Дубно с частями 60-й мотомеханизированной и 16-й бронетанковой немецкими дивизиями. Здесь наша дивизия в течение пяти суток вела сражение с неприятелем. За это время противник 11 раз бросался в атаку. Неудачи страшно бесили его. Он пытался любыми средствами сломить наше сопротивление, пускался на всевозможные хитрости, но ничто не помогало. На атаку противника наши конники отвечали удесятенной контратакой.

На поле боя нашло себе могилу свыше 500 немцев. Было подбито 21 танк, 30 бронемашин, разбито 75 автомашин, сбито 2 самолета. Полностью были уничтожены 2 роты мотоциклистов и 2 велосипедные роты, захвачено 3 артиллерийские батареи среднего калибра, 2 противотанковые батареи. Подавлено также до 30 тяжелых и легких пулеметов.

Под Тарашей немцы пытались нанести нам внезапный удар. Противник хитрил. Он стремился деморализовать нас психическими атаками. Но из этого также ничего не вышло. Неприятель оставил на поле боя около 400 убитых солдат и офицеров, большое количество раненых, богатые трофеи: 13 танков, 9 бронемашин, 30 автомашин, 6 танкеток.

Дивизия наша трижды попадала в окружение. Однажды под местечком Катербург были окружены два полка и все тылы дивизии. Немцы уже ликовали. Фашистское командование выдвинуло наглый ультиматум — сдаться в плен, а в случае сопротивления угрожало уничтожить всех до единого.

— Прорваться из окружения! Умереть, но не сдаться в плен! — так единодушно заявили бойцы и командиры.

Командование дивизии решило предпринять ночную атаку, чтобы прорвать вражеское кольцо. В атаку пошли все, кто мог драться. Даже раненые, и те взялись за оружие в эту ночь. Решалась судьба нашей дивизии.

Неприятель открыл ожесточенный артиллерийский огонь. 15 минометных батарей обстреливали нас. Три раза переходили мы в атаку. Фронт врага был прорван. Мы вышли из окружения, сохранив материальную часть — обозы, ма-

шины, боеприпасы и все имущество. Зато фашистские части оставили на поле битвы до 400 человек убитыми и ранеными, 19 сгоревших танков, 13 бронемашин.

Фашистское командование не успокоилось на этом. Оно, видимо, решило раз и навсегда покончить с нашей дивизией. Нас стали упорно преследовать. Над нами вели беспрестанную разведку самолеты. С утра до вечера специальный немецкий разведчик, «прикрепленный», как его метко прозвали бойцы, стремился определить наше местонахождение и численный состав.

В районе Яхнинского леса, где расположилась наша дивизия, нам пришлось выдержать мощную атаку с воздуха. Бесперывными волнами, с 8 часов утра и до позднего вечера, немецкие бомбардировщики сбрасывали тонны бомб. 14 часов подряд дивизия выдерживала этот невиданный по своей силе удар. Но даже и это не поколебало наших рядов. Советские кавалеристы продемонстрировали мужество и стойкость, железную волю и твердую уверенность в своих силах.

Одновременно шло сражение с крупными наземными силами противника. Враг наседал. Он рассчитывал, что воздушная атака запугает нас, внесет смятение в наши ряды. Но противник встретил могучее сопротивление.

Как и всегда, мужественно и храбро дрались молодые кавалеристы. Они первыми поднимали головы и с криком «За Родину! За Сталина!» мчались вперед.

Вся дивизия уже знает о подвигах комсомольца конного артиллерийского дивизиона Погорелова. Весь его расчет в разгар боя был выведен из строя. Но он не сдался и не покинул орудия. Он сам выполнял обязанности подносчика снарядов, сам заряжал орудие, наводил и стрелял по врагам. Его ранило, но и тогда он не оставил боевого поста. Он подпускал близко противника и прямой наводкой расстреливал его. Только один герой-комсомолец Погорелов в этом бою уничтожил свыше 60 фашистов.

С любовью у нас произносится имя молодого кавалериста Виктора Воеводина. Я был очевидцем его бесстрашия, хладнокровия и выдержки. Дрался с немцами он лихо, как и подобает пархоменцу. Ему не уступал в смелости и молодой кубанский казак, комсомолец Арсений Шатко.

Весь наш коллектив высоко ценит подвиги сержанта Хочукова. Когда обнаружилось, что иссякли запасы боеприпасов, этот комсомолец вызвался привезти их.

— Как же ты привезешь? — спросили у него. — Разве ты не видишь: все дороги обстреливаются?

— Я кавалерист, — сказал он и, точно ветер, промчался на своей тачанке мимо врага.

Боеприпасы были доставлены, и батареи с новой силой открыли стрельбу.

Наша дивизия уже проделала большой путь. На всем этом большом пути, во всех боях коммунисты и комсомольцы служили примером беззаветной преданности своей Родине. У нас в дивизии 60 процентов конников — комсомольцы, а в некоторых полках и того больше.

Ленинско-Сталинский комсомол является шефом кавалерийской дивизии имени Пархоменко. Своим шефам мы дали обязательство, что в боях за Родину мы не уроним завоеванной чести, не запятаем боевых знамен. Приятно и радостно видеть, как дорожат этой честью бойцы, командиры и политработники. Мне доводилось не раз наблюдать действия молодых кавалеристов. Как лихо они сражаются!

Однажды в бою ранило в руку связиста Василия Стамбуровского. Превозмогая мучительную боль, он продолжал стрелять. Ему нужно было доставить в эскадрон важное донесение. А путь в эскадрон лежал через тыл врага. Надо было переплыть реку. Раненый, он бросился в воду. Поплыл. Это заметили немцы. Они открыли по смельчаку бешеный огонь. Стамбуровский был трижды ранен. Истекая кровью, он пришел в свой эскадрон, и когда его спросил командир, как он сумел пробиться сквозь такой огонь, молодой конник ответил:

— Я пархоменец!..

Сам я старый конник, участвовал не в одном сражении в годы первой империалистической и гражданской войн. Я видел немало храбрых и отважных воинов, но должен прямо сказать: наши молодые кавалеристы не уступают в удали своим отцам. С врагами они дерутся, как истинные русские богатыри.

Честь и хвала им! Деритесь и дальше так смело и бесстрашно, молодые конники! Разите врага в самое сердце! Бейте его так, чтобы он не смог опомниться. Не давайте спуска гитлеровским молодчикам, умножайте и впредь славу пархоменцев!

Некоторые считали, что действия кавалерии при большой технической оснащенности войск в современной войне невозможны, что коннице теперь делать нечего. Они ссылались на опыт испанской войны и на операции во Фран-

ция, Бельгия, Греция. Но они не учитывали того, как широко могут развернуться действия кавалерии на необъятных просторах нынешнего фронта.

Опыт 60-дневных боев с гитлеровскими полчищами опроверг этот нелепый вывод о «закате кавалерии». Наоборот, этот опыт показал, что в современной войне высокая маневренность войск является залогом успеха. А наиболее маневренными наземными родами войск остаются танки и конница. Стоит только горнисту подать сигнал, и такая крупная воинская единица, как дивизия, мигом способна ринуться на противника, бить его с флангов, заходить в тыл и наносить неприятелю внезапные удары.

Кроме того, конница оказалась менее уязвимой от воздушного нападения. Кавалерия способна продвигаться ночью, в любую ненастную погоду. Такие возможности не всегда имеет мотопехота, которая привязана к дорогам и представляет крупную цель для самолетов.

Наш опыт показал, что конники могут и должны быть использованы как мощное оружие для глубоких рейдов в тыл противника, чтобы громить его коммуникационные линии и всячески срывать снабжение фронта.

Наша дивизия живет, бьется. Еще много врагов поляжет от ударов ее острых кавалерийских сабель и метких залпов.

Командир кавалерийской имени Пархоменко дивизии
генерал-майор В. КРУЧЕНКИН

«Комсомольская Правда» от 18 сентября 1941 г.

ВОЙНА РОЖДАЕТ ГЕРОЯ

Бойцы и командиры, однополчане младшего лейтенанта Комарова, поручили мне рассказать о последних днях этого советского воина. Когда-нибудь, после войны, после победы, когда мы оглянемся назад и вспомним эти великие дни, нам станет ясно, что месть, уничтожившая фашистов, была сродни той ярости, которая охватила нас, видевших, как погиб Комаров.

Представьте себе сельского избача. Он был скромный с виду, небольшого роста. В первые дни, когда он надел командирское снаряжение и новенькие ремни поскрипывали на нем, казалось, что он упакован, весь перехвачен ремнями, точно маленький дорожный чемодан. Такой он

был — небольшого роста, не вызывавший своим видом мыслей о подвиге и доблестной смерти.

Но война рождает героя!

Комаров стал командиром взвода управления батареи. Свой наблюдательный пункт он основал не на переднем крае нашей обороны и даже не в блиндажах боевого охранения, а прямо посреди финских позиций. Так ему было удобнее. Лес, занятый врагами, лежал перед ним, как раскрытая карта.

На гранитном холме, среди расщепленных огнем сосен, Комаров сидел с телефонистом и пятью бойцами две недели. Не было минуты, когда бы не рвались снаряды вокруг, но в высоту трудно бить прямой наводкой, и Комаров уцелел. Он только оглох и почти не слышал, когда ему кричали с батареи по телефону.

Сруб был разбит прямым попаданием. Люди закоптились от дыма и привыкли ходить не поднимая головы. Но Комаров не уходил. Он направлял огонь орудий по целям. Ему были хорошо видны финские минометы, грузовики, двуколки, прислоненные к деревьям велосипеды. По полевому телефону он называл координаты цели и наблюдал в бинокль, как метко бьют его товарищи. Он так избаловался на своем наблюдательном пункте, что бывал недоволен, если артиллеристы не с первого залпа покрывали цель.

Видеть и направлять огонь батареи стало привычкой, бытом, самой жизнью вчерашнего сельского избача. Иногда он слезал с сосны, но его бинокль оставался там, в гнезде, покачивался, подвешенный на ветке. Это было хорошо насиженное место — с котелками и флягами на мху, с гранатой в кармане шинели, свернутой в изголовье.

Здесь можно было долго жить, и каменистая тропа редко пропускала бойцов на батарею — только за хлебом и патронами.

В последний раз Комаров ходил с наблюдательного пункта на партийное собрание. В этот вечер его приняли в партию. Он поднялся с травы в нетерпении от счастья, стоял, маленький, широко и прочно расставив ноги.

— Меня враги не возьмут никогда, — сказал коммунист Комаров и показал рукой на грудь. — Здесь, в кармане гимнастерки, у меня ручная граната. Станет туго, дерну за кольцо и лягу на грудь.

На наблюдательный пункт Комаров возвращался вместе с тремя бойцами. Крались по тропке. Лес был странно

недвижен и тих — верный признак начавшегося наступления.

Утром финны вышли на тропу. День прошел, как один час, в огне и грохоте боя. Ночью Комаров слышал уже позади себя стук топоров — это финские минометчики готовили новую позицию, рубили деревья, расчищая лес в секторах обстрела. Тогда Комаров отправил на батарею трех бойцов.

— Скажите командиру, что я не уйду, — сказал он.

Бойцы разминировали проход в скале и через трое суток ползком выбрались к своим. А Комаров снова корректировал огонь.

Лес вокруг был сбит и выбрит, торчали обломанные стволы. Финны ползли отовсюду, и одна их батарея работала уже позади Комарова. Он был ранен в этот день. Сам себя перевязав, он мог бы еще уйти. Но в следующую ночь он отправил от себя еще троих. В эту ночь Комаров уничтожил документы.

Страх наполовину состоит из подлого ожидания. Ты ждешь боли смерти, и мелкое дезертирское чувство начинает копошиться в твоей груди. Дави его, друг!

У Комарова была ясная душа советского воина. И он не ждал ни боли, ни смерти, любил Родину больше жизни и потому не испытывал страха, не боялся. Он только тогда был нетерпелив в ожидании, когда, передав координаты по телефону, прислушивался: вот-вот ухнут вдали орудия, и треск разрывов ответит из близкого леса. Он точно знал, где ждать разрыва.

Иногда казалось ему, оглушенному канонадой, что это сам он сеет, разбрасывает руками по лесу пригоршни дыма и огня. Он видел рыжего финского снайпера, расхаживавшего по доске, положенной на ветвях рябины, и тотчас по вызову Комарова облако шрапнели рвалось над этой рябиной, и финн летел с дерева вниз, точно в воду с мостков.

На четвертый день боя начальник штаба, войдя к командиру, глухо сказал:

— Комаров корректирует огонь позади себя.

У телефона в штабной землянке теснились боевые друзья Комарова. Да, наблюдательный пункт отсекал себя огнем.

— Прицел меньше 8... Четыре снаряда... Беглый огонь! — кричал телефонист там, на наблюдательном пункте, и в трубку был слышен треск и грохот огня — ад, в котором жил — еще жил! — на своей скале герой. Враг обошел скалу, замкнул в кольцо.

К вечеру прервалась связь. Финны нашли и оборвали провод, тянувшийся в папоротнике. Теперь на скале уже не было наблюдательного пункта—просто советская земля. И на советской земле стоял в кровавых бинтах, бледный, заросший, маленький с виду — но какой огромный в своей доблести! — человек. Он стоял, и непонятно было, что ему давало силы стоять. Только в последнюю эту минуту руку он держал у кармана гимнастерки, как обещал тогда на партсобрании...

Н. АТАРОВ

«Правда» от 11 сентября 1941 г.

МЛАДШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ СЕМЕН КИРЖНЕР

В окопах у переправы через реку Д. еще с вечера готовились к атаке, к внезапному удару по немецким укреплениям в селе Р. В части, которой командует Николай Гагин, был разработан план наступательной операции. Село Р., расположенное на берегу реки Д., в штабе называли важным тактическим пунктом, маленьким плацдармом для обороны переправы. Немцы установили в селе минометы и пулеметы и держали под обстрелом узкий изгиб реки. Нашим войскам предстояло пройти под вражеским огнем переправу, выбить немцев из укрепленных блиндажей, занять село Р.

Бой начался на рассвете и уже стих к полудню. Артиллерийские снаряды взорвали укрепления, минометы и огневые точки противника. Несколько попаданий вызвало изумление пехотинцев: это все Киржнер. Огонь наших батарей заставил немцев отойти от берега.

Две недели немцы пытались прорваться в село Р. Дни и ночи у села рвались вражеские снаряды и мины, не стихал пулеметный огонь. Но пехотинцы с беспримерным мужеством отражали все атаки.

И снова вспоминали артиллеристов и младшего лейтенанта Семена Киржнера. Это был наблюдатель части, которой командует капитан Михаил Лушников. Младший лейтенант видел хорошо и далеко, умел находить огневые позиции врага. Он доставил немцам немало хлопот. Орудия и минометы врага не успевали пристреляться, как их уже поражали снаряды наших артиллеристов.

На наблюдательном пункте появлялся деловитый, сосредоточенный и молчаливый младший лейтенант Семен Киржнер. Он подсчитывал, корректировал и передавал

команду тихо, спокойно, монотонно. Оживали орудия, и снаряды заставляли умолкнуть немцев. Киржнер создал свой наблюдательный пункт в хорошо замаскированном месте. Его трудно было найти. Немцы сравнивали с землей сельскую церковь, сожгли и домики, стоявшие на пригорке. Но Киржнер спокойно сидел высоко над селом в стволе старого дуба и наносил на карту огневые точки врага. Ночью, когда лейтенант спустится на землю, он доложит о своих наблюдениях капитану Михаилу Лушникову. Тогда можно будет сильным артиллерийским ударом уничтожить те батареи фашистов, которые еще сохранились здесь, в районе села Р.

Но перед батареей, у наблюдательного пункта, разорвалась мина. Киржнер продолжал следить за позициями минометов. Вскоре, однако, обстрел усилился. Очевидно, немцы решили снести, сжечь эти редкие старые дубы. Киржнер смотрел на них с сожалением. Он сроднился с ними, знал каждую ветку, любил слушать шелест листвы, когда стихала канонада и приходилось ждать сумерек, чтобы покинуть наблюдательный пункт.

Мины разрывались уже совсем близко. Киржнер должен хоть на время переменить место наблюдения. Он спустился вниз, пополз. Двигался медленно, оглядывался вокруг, искал холм или высокую сосну. Его старый наблюдательный пункт был уже охвачен огнем, там рвались снаряды. Немцам пришлось искать Киржнера почти две недели. Вот они его нашли! Но он уходит от них. К утру можно будет напомнить о себе, подумал Киржнер, все вражеские огневые позиции нанесены на карту. К тому же они уже пристреляны нашими орудиями.

Семен Киржнер издали увидел крепкое дерево. Он побежал туда, забыв об опасности. В это время где-то совсем близко разорвалась мина, и осколки ее попали в артиллериста. К нему подбежал молодой наводчик Василий Самсонов, подхватил на руки. Киржнер, как всегда, смотрел на мир спокойными, ясными глазами. Он прошептал: «Я ранен...» Самсонову показалось, что младший лейтенант произнес эту фразу каким-то виноватым голосом. Наводчик ответил:

— Ничего, ничего... Ложитесь ко мне на руки...

Самсонов смотрел, нет ли поблизости санитарной машины, но потом решил нести младшего лейтенанта на руках. Киржнер взглянул на молодого артиллериста и тихо сказал:

— Я умираю... Карты у меня...

Но уже бежали артиллеристы. Они подняли, понесли Киржнера к орудиям и положили его на шинели. По очереди подходили к своему замечательному наблюдателю, прикладывая ухо к его сердцу: Киржнер был мертв.

Артиллеристы молчали, им не хотелось верить, что этот отважный, не знавший страха человек уже не сможет указать им точные ориентиры для поражения врага, не сможет корректировать их стрельбу и направлять их удары. Киржнер был очень дорог им всем. Его любили и за знания, и за артиллерийский талант, и за смелость и душевность.

Теперь нужно было сообщить командиру Михаилу Лушникову.

Лушников пришел и сразу остановился. Он молча простоял в каком-то оцепенении, пока его не позвали артиллеристы:

— Надо хоронить, — сказал он.

Лушников разглядел смятую карту, найденную у Киржнера, подсчитал огневые точки немцев, оживился.

— Мы похороним его, как настоящего артиллериста и отважного советского воина... С салютом... Как подобает...

Потом он собрал командиров батарей, каждому дал все расчеты, подготовленные еще Киржнером. На рассвете артиллеристы хоронили младшего лейтенанта Семена Киржнера.

— В память нашего друга, — сказал командир, — все батареи дают орудийный салют. Но это должен быть боевой салют. Ни один снаряд не будет выпущен впустую. Вот сам Киржнер дает нам команду. Этим салютом мы должны уничтожить все минометы и артиллерийские точки, нанесенные на карте. Понятно?

Его голос дрогнул, и все ответили: «Ясно!» Потом молча засыпали могилу, постояли у свежего земляного холмика. Лушников сказал: «Пора!»

Люди встали у орудий. Теперь артиллеристы напрягли все свое умение, все свои знания и опыт, чтобы снаряды попали в цель. Это были все пристрелянные ориентиры и цели: Киржнер аккуратно прокорректировал их. Раздался оглушительный залп из всех орудий по вражеским батареям, минометам, окопам. И новый наблюдатель уже доносил о взорванных блиндажах, об уничтоженных орудиях, о солдатах, взлетевших в воздух.

Но капитан Лушников еще не успокаивался. Он командовал: «Огонь, огонь!» Салют превратился в канонаду.

Немцы бежали, а салют Киржнера не стихал. Вражеские окопы, машины, орудия, люди уже смешались с землей. Артиллеристы посылали снаряд за снарядом, нащупали новые цели, перенесли огонь к пригоркам, дорогам, били по резервам. Этот салют никогда не забудут немцы, если кто-нибудь из них остался в живых у села Р.

О. КУРГАНОВ

«Правда» от 20 сентября 1941 г.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПОЛИТРУКА ГРУЗДЕВ

Грохотали жестокие бои. Накануне заместитель политрука Груздев находился под сильнейшим огнем противника. Боевое крещение. Он с честью вынес это первое испытание воина.

На его глазах был ранен пулеметчик. Груздев подобрался к замолчавшему пулемету и, перетащив его на ближайший холм, занял более выгодную позицию. Он лежал за пулеметом, положив пальцы на спусковые рычаги. Плечи у него тряслись, пулемет бил пламенем. Четыре ленты израсходовал Груздев и отогнал лезущего вперед врага...

Следующая схватка с врагом запомнилась на всю жизнь. В самый разгар боя горстка храбрецов, человек десять, во главе с полковником Вронским решила зайги в тыл противника, чтобы выбить из березовой рощи засевших там немцев. Противник накапливал силы для внезапного коварного удара.

— Сорвем им всю музыку, — заряжая винтовку сказал полковник, высокий, худощавый человек с седыми висками. — Главное — навести панику.

Он пристально оглядел всех, бывших с ним.

— Кто трус, пусть остается.

Трусов не нашлось. Маленький отряд разделился на группы по два, по три человека и, крадучись, двинулся к роще.

С Груздевым пошел т. Саховчук. Где пряться в высокой траве, где кустарником, где болотом два смельчака незаметно подкрались к леску, заходя во фланг противника.

За деревьями, у пулеметов, тихо переговариваясь, лежали в засаде фашисты. Стараясь, чтобы ни один сучок под ним не хрустнул, Груздев подполз ближе, осторожно выглянул и замер. Недалеко от него, под старой бере-

зой, стоял германский офицер. Глубокий стальной шлем, черный плащ, худое лицо с тонкими злыми губами. Вот он медленно направился в сторону притаившегося Груздева, не подозревая о его присутствии.

Медлить больше нельзя. Груздев сорвал рубашку с гранаты, привстал на колени, с силой размахнулся... Струи огня, дыма, земли взвились кверху. Офицер странно подскочил, взмахнул рукой и упал.

Грохнула вторая, брошенная Саховчуком граната, и оба храбреца, штыками наперевес, с криком бросились на ошеломленных немцев. Груздев погнался за ближайшим бросившимся бежать фашистом, догнал его и свалил ударом штыка в спину. А уж по всему лесу гулко раздавались удары ручных гранат, выстрелы, крики, грозно катилось «ура» — начали действовать остальные группы.

Паника охватила фашистов. Воя от ужаса, они бросились врассыпную. Среди деревьев мелькали бегущие без оглядки серые фигуры.

Горсточка героев уничтожила целый фашистский отряд.

Шальная пуля ударила Саховчука в ногу. Груздев подполз к раненому, взял у него индивидуальный пакет и стал перевязывать.

— Ничего, ничего, — приговаривал он, быстро и ловко бинтуя ногу Саховчука, — все будет в порядке.

Затем он взвалил себе на спину отяжелевшее тело Саховчука, подобрал его винтовку и пополз в сторону своих.

На соседних участках, занятых неприятелем, их заметили и открыли убийственный огонь. Высокая мохнатая рожь, которой они пробирались, вся колыхалась и вздрагивала, пули резали колосья. Груздев полз, упираясь локтями, и тащил на себе товарища.

Вскоре они наткнулись на Пчелкина. Батальонный комиссар лежал с простреленной ногой. Груздев разрезал у раненого голенище сапога, сделал перевязку и двинулся дальше. Теперь он волочил двоих раненых. Он полз и полз, упрямо, настойчиво, под непрерывно свистящими пулями, в палящем солнечном зное. Три километра, отделявшие его от наших позиций, — какими мучительными они показались!

Наконец, часа четыре спустя, совершенно обессиленный, Груздев добрался до своих. Здесь он бережно уложил раненых в проходящий мимо грузовик и, чтобы мягче было лежать, устлал дно машины хвойными ветками. А Саховчук в это время говорил подошедшему к нему лейтенанту:

— Ничего страшного. Я через несколько дней вернусь.— Он с усилием приподнялся, глаза у него стали твердыми и яркими. — Товарищ лейтенант, ни одной минуты не оставаться здесь, в тылу. Понятно? Отгоняйте немцев. Мы начали — вы заканчивайте.

— Есть заканчивать! — ответил на это лейтенант и взял под козырек.

...Поговорите с Груздевым по душам, и он, быть может, выскажет вам свою точку зрения на войну, на жизнь, на смерть. Вот его философия — простая, мужественная и прекрасная:

— Чем жить трусом, лучше умереть героем. Красивее, интереснее, да и для людей польза.

Дан. ФИБИХ

Действующая армия, 16 сентября 1941 г.

ХРАБРЫЙ ЧЕЛОВЕК

Сорок восемь танков врага появились на дороге.

Их ждали...

Младший лейтенант Жилиев уже давно занял удобное место для наблюдения и выставил секреты по сторонам и впереди. Он знал, что танки пойдут этой дорогой. Иной дороги им не было.

Младший лейтенант должен был во-время предупредить о движении вражеской колонны своих, которые, окопавшись и организовав хорошую систему огня, держали с батальоном оборону.

Как только на дороге показался силуэт головной машины, от места, где лежал Жилиев, отделился красноармеец Шаклашвили. Где канавой, где глубоким, изрытым внешней водой оврагом, где ползком, где бегом, этот боец, сдерживая дыхание, пробирался на командный пункт командира батальона с донесением.

Красноармеец Балаян получил задание добраться до артиллерийского начальника с тем же сообщением. Три километра, обдирая колени о бурьян и чертополох, царапая руки о колючки в густых зарослях акаций, бежал боец Балаян, думая лишь об одном: как можно скорее сообщить артиллеристам о появлении танков врага.

Первый же снаряд преградил дорогу танкам. Она была заранее пристреляна. На дороге один за другим рвались снаряды, с криком разлетались мины. Тщетно пытались танки прорваться сквозь пламя. Они вынуждены были

искать других путей, менее удобных, где их ждали наши танки.

Противник вел за танками мотопехоту. Она спешила и стала метаться то влево, то вправо, пытаясь обойти стрелковые подразделения с флангов. Не прошла и вражеская пехота.

В это время к Жилиеву вернулись красноармейцы Баляян и Шаклашвили.

Вечер опустился темным покрывалом на поле битвы.

Тихо шептался о чем-то со своими бойцами Жилиев. Он заметил еще засветло, что враг ушел назад не со всеми машинами. Одну из них Жилиев обнаружил в укрытии.

Как только стемнело, Жилиев с группой бойцов, захватив связки гранат и бутылки с горючим, ползком отправился на разведку.

Нужно было найти незаметный подход к танку врага. И он был найден. Недаром Жилиев весь день тщательно изучал местность, запоминал каждый кустик, каждую канавку. Вплотную подобралась смельчаки к танку.

Видимо, и враги сидели не шевелясь, вслушиваясь в тишину.

Взмах руки. Бросок. И бутылка с бензином, разбившись, вспыхнула ярким пламенем, охватившим машину.

Так же незаметно, тихо отползли наши истребители, или, как их ласково зовут в батальоне, «истребки», назад, к своим.

Наутро враг снова бросил свежие силы на нашу оборону. Он опять применил комбинированное воздействие танков, пехотных групп и автоматчиков.

И вновь взвод лейтенанта Ревуцкого оказался в тяжелой обстановке. Справа по взводу из дорожного тоннеля строчил станковый пулемет. Четыре бойца были убиты, несколько человек ранено.

Смельчак-посыльный, фамилию которого так и не удалось установить, под жестоким огнем противника добрался до седьмой стрелковой роты. Товарищи помогли. Они передали взводу Ревуцкого свой станковый пулемет. Это сразу восстановило положение взвода.

Но не меньшую растерянность среди врагов вызывал опять младший лейтенант Жилиев, который присоединился в это время к Ревуцкому. Младший политрук Шептун видел, как Жилиев, метко бросая гранаты, уничтожал пехоту врага.

Нужно было отскочить взводом в сторону, занять новый рубеж и отсюда бить врага во фланг. И Жилиев

обеспечил этот маневр. Пулемет седьмой роты, ручные гранаты остановили врага, но не ослепили его.

Тогда Жилиев вспомнил о бутылках с горючим, припасенных для танков. Счастливая мысль пришла ему. С группой своих бойцов он стал бросать перед врагом зажженные бутылки с бензином.

Сухая трава вспыхнула. Все заволокло дымовой завесой. Прикрываясь этой завесой, взвод Ревуцкого вышел на новый рубеж обороны.

* * *

Смелый, находчивый командир Жилиев заслуженно пользуется любовью и уважением своих боевых товарищей. Разведчик-наблюдатель, истребитель танков, если надо — артиллерист-корректировщик, он не раз показывал в боях презрение к смерти, ненависть к врагу, верность друзьям-соратникам в борьбе с фашизмом.

Вл. ТИХОМИРОВ

Действующая армия, 9 сентября 1941 г.

СВЯЩЕННЫЙ ДОЛГ

После непрерывных трехдневных боев командир N-ского подразделения Сергиенко решил отвести подразделение на новый, более выгодный для обороны рубеж.

Переход был совершен ночью, по глубокому оврагу, без малейших потерь. Выдвинутая с правого фланга артиллерия врага напрасно расходовала снаряды. Они пролетали высоко над головами бойцов и рвались где-то в степи.

Пехотные части фашистов уже несколько раз пытались прорваться к оврагу с запада, со стороны долины. Но оставленные для прикрытия отхода два наших пулеметных взвода отбрасывали врага. От стойкости пулеметчиков зависел исход боевой операции. Позиции у оврага нужно было во что бы то ни стало удержать до утра.

Приближался рассвет...

Посоветовавшись с командиром, комиссар подразделения т. Массалитин возвратился к пулеметным взводам.

— Жарко, товарищи? — спросил Массалитин, присаживаясь к пулемету.

— Маловато патронов, товарищ батальонный комиссар, — отозвался красноармеец. — Наши ездовые никак не могут прорваться к патронному пункту.

К Массалитину подошел командир взвода.

— Две тачанки разбиты, — сказал он, заметно волнуясь. — Осталась последняя... Враг непрерывно пускает ракеты и держит под обстрелом дорогу. Невозможно прорваться... А патроны у нас почти на исходе, товарищ батальонный комиссар...

— Наша батарея еще не успела отойти? — спросил Массалитин.

— Нет, — ответил командир взвода. — И рота саперов еще не прошла...

— Мы должны найти выход из положения, — сказал Массалитин. — У вас есть ездовой Жарков... позовите его сюда.

Через минуту ездовой стоял перед комиссаром.

— Задание очень серьезное, товарищ Жарков, — сказал Массалитин негромко. — Противник выдвинул справа, параллельно оврагу, артиллерию и пулеметы... До сих пор нам не удалось прорваться за боеприпасами... Это задание я поручаю вам.

В полусвете Массалитин заметил, как радостно блеснули глаза Жаркова.

— Есть доставить боеприпасы, товарищ батальонный комиссар!

— Помните, — продолжал Массалитин, — что бы ни случилось, ни один патрон не должен достаться врагу. Наше оружие — это наша слава. Беречь оружие и боеприпасы, не отдать их врагу — священный долг...

— Я исполню долг, товарищ батальонный комиссар, — твердо проговорил Жарков.

Когда Жарков выехал на пригорок, было почти светло. Он оглянулся на долину. Там, прячась в высокой траве, медленно двигались цепи фашистов. Пулеметная очередь как бы скашивала их, но едва смолкал пулемет, враги поднимались снова.

— Ну-ка, выручайте, вороны! — тихо сказал Жарков и хлестнул лошадей.

Кони стремительно вынеслись на открытое поле. Тотчас ездовой услышал тонкий свист пуль. Где-то совсем близко застрочил пулемет врага. И почти одновременно с тяжелым гулом рухнул, разорвался снаряд.

Испуганные кони рванулись в сторону. На самом краю обрыва Жарков сдержал их и повернул на узкую степную тропу. Теперь он стремительно несся перед выгнутым флангом врага, и колюсь нескошенной ржи кружились вокруг тачанки, словно подхваченные бураном.

Недалеко поднималось каменистое взгорье. Оно было

надежным прикрытием от снарядов и пуль врага. Однако с каждой минутой фашисты все яростней вели огонь, черные столбы земли вставали и рушились перед тачанкой.

Засыпанный землей, в разорванной осколком гимнастерке Жарков на полном галопе влетел на патронный пункт.

— Скорее патроны! — крикнул он. — Это приказ комиссара...

— Неужели ты хочешь вернуться? — изумленно спросил его кто-то из бойцов.

Жарков повторил твердо:

— Я выполняю приказ комиссара.

Пулеметные ленты были погружены через несколько минут, и Жарков двинулся в обратный путь.

Сначала фашисты не стреляли. Повидимому, они были изумлены дерзостью и отвагой ездового. Словно дразня, он ехал вдоль вражеской цепи, пересекая участок скошенной ржи. Крепко подтянув вожжи, сжавшись в комок, он высчитывал каждую секунду. Вот сейчас грянет залп... Сейчас...

Вдруг под тачанкой раздался взрыв. Степь закачалась перед глазами Жаркова, и черное облако земли заволокло лошадей.

Когда немного рассеялась пыль, Жарков медленно поднялся с земли. Ноги его подгибались, из руки лилась кровь. Тачанка была вдребезги разбита. Запутавшись в упряжке, испуганно билась лошадь. Другая, сорвав постромки, умчалась в степь.

Но пулеметные ленты сохранились. Протянув руки, Жарков бросился к ним. Еще звучали в ушах слова комиссара: «Наше оружие — это наша слава»...

Распутав лошадь, Жарков привязал ее к обломку оглобли. Затем, подхватив одну за другой несколько пулеметных лент, он перекинул их через спину коня и скрепил внизу обрывками вожжей. Шею коня он тоже оплел лентами, и остальными опоясался сам. Несколько десятков патронов было разбросано на земле. Он собрал их все до одного и спрятал в карманы.

Сквозь затихающий орудийный гул Жарков внезапно расслышал хриплые голоса. Он приподнялся на носках и выглянул из ржи. С невысокого пригорка к нему бежали фашистские солдаты. Они уже были на расстоянии 200 шагов.

Ездовой взял под уздцы коня.

— Выручай, вороной, дружище!

Он побежал через степь, слегка подхлестывая вороного. Конь послушно следовал рядом с ним, повинувшись малейшему движению его руки. Снова зазвенели пули над головой Жаркова. Но пулеметный взвод был уже недалеко.

Слева, из ржи, поднялся немецкий офицер.

— Стой, рус! — закричал он, размахивая револьвером.

Не останавливаясь, Жарков сорвал с пояса гранату и метнул ее в фашиста. Еще быстрее помчался конь. Теперь Жарков едва поспевал за ним.

...Пулеметный взвод, ожидавший ездового, уже расстреливал последние патроны.

Массалитин первый заметил Жаркова на скалистом гребне откоса. Комиссар бросился к нему, и, когда они сошлись на склоне, Массалитин долго молча и радостно смотрел в глаза бойцу.

— Я выполнил приказ, товарищ батальонный комиссар, — сказал Жарков.

...Снова застрочили все пулеметы взвода, и фашисты откатились от оврага, устилая долину трупами своих солдат.

П. СЕВЕРОВ

«Во славу Родины» от 1 сентября 1941 г.

РАЗВЕДКА ЖИЗНЬЮ

Для врачей этот окровавленный человек был прежде всего раненым. Больным, как говорили в мирное время. Санитары подобрали его где-то у леса и принесли на медпункт. Врачи определили характер ранений: тяжелые, рваные, стреляные раны. Пациент нуждается в немедленной помощи и эвакуации в тыл.

Но странным был этот раненый. Он не желал покоя. Он не хотел перевязок, операций, эвакуации в тыл. Он не хотел сдирать с себя забрызганную кровью и грязью военную форму и облачаться в больничный халат. Он не считал себя жителем госпиталя. Он еще был бойцом. Он еще не кончил боя. Он требовал только одного: позовите командира или комиссара. Только она одна важна — эта ночь разведки; все остальное не имеет сейчас цены.

— Понимаете, — хрипел он врачу, — командира позовите. Или комиссара. Скажите, политрук эскадрона Алиев просит, сам притти не может. Понимаете?

Но ничего не хотели слушать эти врачи! Он чуть не заплакал от злости.

— Надо, — сказал ему вчера полковник, — понимаете, надо пробраться в расположение противника и раскрыть его систему огня.

И конники пошли. Они пошли ночью, потому что немцы не любят ночных действий. Они пошли смело, потому что только смелым дается удача. Они забрались в самое логово зверя, и на них обрушились все его клыки. И чем больше огня выплескивал на них враг, тем больше узнавали разведчики.

— А, теперь минометы? Хорошо! Сколько их? Батарея? Так. Еще бы артиллерия затыкала. А-а! Вот и артиллерия. Хорошо!

Они собирали сведения об огне противника, как бабы собирают в лукошко грибы, спокойно и деловито: это подосинники, а это рыжики; это минометы, это крупнокалиберные пулеметы, а это огонь бронемашин. Они были довольны, хотя рвались снаряды над их головами. Разведка боем — так называется это в уставе. Разведка жизню.

И политрук Алиев был доволен больше всех, хотя проклятый кусок стали уже сидел в его теле. Но что тело! Что шкура! Раненый, он говорил своим бойцам:

— Вперед, вперед! Мы еще не все узнали.

И немцы, обманутые темнотой, гремели из всех своих пулеметов, орудий, бронемашин. Им казалось, что полки наступают на них. Они озарили свое расположение таким пламенем вспышек, что Алиев легко засек всю систему огня! И тогда он сказал бойцам:

— Все! Теперь — назад.

Но его снова и снова ранили. Он пополз, обливаясь кровью и стиснув зубы, чтобы не стонать. Теперь нельзя попасться в лапы немца! Теперь нельзя умереть! Теперь нельзя потерять сознание! Доползти! Доползти! Доложить!

И вот он дополз. Вот он лежит, и голова его ясна, он все помнит, всю систему огня немца, он разведал ее своим телом, его окровавленное тело — точно стрелковая мишень, оно испещрено следами всех видов оружия врага. Теперь доложить командиру, и враг будет раздавлен. Но эти врачи! Он рванулся с койки, на которую его уложили, и яростно закричал:

— Товарищ врач! Слышите? Умру, отвечать будете! Командира позовите, пока жив.

И вот пришли к политруку эскадрона Алиеву полковник и комиссар. Он увидел их и обрадованно улыбнулся бледной улыбкой бескровных губ. Он едва дышал и го-

ворил тихо. Но память его была ясна. Он доложил все, что надо. А когда все рассказал, вздохнул с облегчением, обернулся к врачу и сказал умиротворенно, снисходительно:

— Теперь — лечите!

Борис ГОРБАТОВ

«Правда» от 1 сентября 1941 г.

ПОЕДИНОК

Красноармеец Василий Петрович Остров был послан в разведку на территорию, занятую врагом. Возвращаясь по глухим лесным тропам, он был внезапно обстрелян немецким патрулем, состоявшим из трех человек. Отстреливаясь, Остров убил одного из трех, остальные двое залегли за деревом, продолжая стрелять. Остров бросился на землю и тоже укрылся за деревом.

Так пролежали они друг против друга тридцать часов. Каждый раз, когда немцы пытались привстать, Остров начинал стрелять. Стрелял он отлично. Немцы сразу поняли это и после каждой попытки затихали надолго. В свою очередь немцы не давали Острову сдвинуться с места, зорко подстерегая малейшее его движение.

Первые шесть часов лежать было нетрудно. Голод не мучил Острова. У разведчика были галеты, вода. Через шесть часов начало мучить другое — затекли руки, ломило спину.

Два или три раза немцы начинали стрелять в воздух, чтобы привлечь внимание своих. Но местность была глухая, никто не появлялся.

Когда стемнело, один из патрульных зашевелился, видимо не выдержав этого неподвижного лежания. Остров дал очередь. Немец снова притих.

И опять все трое лежали неподвижно. Взошла луна. В лесу стало светлее. Слышался тихий шелест ветра. У Острова жестоко ныли руки и ноги. Он ворочался с боку на бок, борясь с мучительным желанием встать, размяться. Кроме того, очень хотелось спать. Несколько раз, особенно к утру, Острова охватывала дремота, голова склонялась к земле, но каждый раз, встрепенувшись, он хватался за автомат.

На рассвете немец, который пытался шевелиться, видимо, совсем потерял голову от этого страшного лежания, вдруг поднялся и бросился в чащу. Остров выстрелил.

Фашист свалился убитый. Остались двое: Остров и второй немец.

Снова они лежали, не спуская друг с друга глаз. Начались вторые сутки лежания. Тело Острова отяжелело, голова стала свинцовой, руки кололо. Не хотелось ни пить, ни есть. Хотелось спать, мучительно, безудержно.

Остров воткнул в землю ветку. Каждый раз, когда его голова склонялась в дремоте, он натыкался на ветку и пробуждался.

В полдень заговорил немец. Сначала он дал две очереди из автомата, а потом стал кричать на ломаном русском языке: «Рус! Здавай себя! Рус!»

Остров не отвечал, внимательно следя за врагом. Покричав, немец утих. Потом, не переставая стрелять, он вдруг стал стремительно отползать в сторону. Остров выждал, когда немец приподнимется, дал меткий выстрел, и раненный в грудь немец свалился.

Тогда, после тридцатичасового лежания и неподвижности, Остров, наконец, поднялся на ноги. И тут же упал. Ноги стали слабыми и гнущимися, как лозы. Минут двадцать он делал новые и новые попытки подняться, но каждый раз падал.

Понемногу силы вернулись к нему. Он осторожно приблизился к раненому врагу, обезоружил его, взвалил на спину и понес. Ему хотелось доставить в полк «языка».

Немец был не очень тяжел, но Остров с трудом нес его. Тело немца все время цеплялось за ветки, за кусты: приходилось останавливаться.

Начало темнеть. Силы оставляли Острова. Он свалился на траву. Некоторое время он боролся со сном, но потом решил, что не сладит. Тогда он привязал свою левую руку крепко-накрепко к правой руке немца и задремал, не выпуская из рук автомата.

После трех часов тревожной дремоты Остров проснулся, развязал узел, взвалил немца на себя и снова пополз. Он приблизился к расположению своей части на рассвете. Положил немца на траву, встал, отер ладонью пот с лица и сказал:

— Вот вам «язык», держите его.

Е. ГАБРИЛОВИЧ

«Красная звезда» от 14 сентября 1941 г.

ГИБЕЛЬ ЧЕРНОГО ПИРАТА

Черный немецкий танк остановился на околице деревни. На корпусе танка белел большой череп с перекрещенными под ним двумя костями — знак, позаимствованный фашистами у бандитов. Сухопутный пират поурчал немного мотором и затих.

Минуту спустя люк раскрылся, и из танка высунулась голова в кожаном шлеме. Танкист осмотрел местность и остановил взгляд на хате, за которой прятались разведчики Черненко и Ложкин. Внимание танкиста привлекла группа деревьев за изгибом дороги. Ложкин вскинул винтовку, прицелился, но Черненко отвел ее в сторону, отрицательно покачав головой.

— Погоди, — прошептал он, — выстрелом мы только себя обнаружим и под огонь танка подставим. А наша задача — уничтожить его. Сиди и наблюдай.

Ложкин решил и на этот раз положиться на своего более опытного товарища и залег в густых зарослях бурьяна, растущего за хатой. Черненко высказал свои соображения:

— Танк этот вырвался вперед и оторвался от базы. Наверное, это разведчик. Дальше он не пойдет и останется тут на ночь. Нам надо его прихлопнуть...

— Чем? — тихо спросил Ложкин. — Мало у нас гранат — всего две штуки.

— Мы его зажжем, — ответил Черненко. — Спички у тебя есть?

— Спички-то есть, но ведь танк не соломенный. Одними спичками ты его не подожжешь. Где взять бутылку с бензином?

— А вспомни, — многозначительно сказал Черненко, — что ты в оставленной хате на столе видел?

Ложкин удовлетворенно улыбнулся. До чего хитрый и находчивый парень, этот Черненко!

Обязанности были распределены. Ложкин должен был подложить под гусеницу гранаты, Черненко — бросить в заднюю часть танка зажженную керосиновую лампу, ту, что разведчики нашли в пустой хате.

Черный пират стоял на прежнем месте, его очертания совсем слились с ночной темнотой, стали невидимыми. Приготовив лампу и гранаты, разведчики поползли.

В селе было тихо. Где-то на дальней окраине села прерывисто и тревожно лаяла собака. Разведчики ползли бесшумно. До танка оставалось всего шагов двадцать.

когда они слышали приглушенный кашель и звук плевка. Экипаж танка выставил часового. Разведчики замерли. Часового нужно было тихо снять или же обойти.

Недалеко от Ложкина зашелестели кусты. Часовой был там, в этих кустах. Ложкин подполз к ним вплотную. Невидимый немец плюнул еще раз, и Ложкин моментально сориентировался по звуку. Сильный штыковой удар попал в цель, и только треск веток показался Ложкину слишком громким. Остальное было сделано в течение одной минуты.

Экипаж танка крепко спал. Звона разбивающейся о броню лампы никто из фашистов не слышал. Керосин разгорался медленно, дымил. Внутри танка сперва слышался кашель, потом раздался начальственный окрик. Люк быстро распахнулся, и голова в шлеме тревожно крикнула:

— Вальтер, вас да?

Черненко и Ложкин одновременно выстрелили в фашиста. Люк захлопнулся и мотор танка завыл. Танк порывисто рванулся, лязгнув гусеницей, но сильный взрыв гранат остановил его, и он завертелся на месте, посылая во все стороны длинные пулеметные очереди.

Громынуло орудие. Черненко и Ложкин лежали в канаве, расположенной в мертвом пространстве, и вся трескотня, поднятая фашистами, не причинила им вреда.

Синее пламя медленно ползло по корпусу танка. Еще несколько раз грохнуло орудие, потом мотор заглох, и в открывшийся люк просунулись поднятые вверх руки. Затем вылез оставшийся в живых немецкий танкист.

Л. ШУТОВ

Действующая армия, 2 сентября 1941 г.

КОМАНДАРМЫ НАШЕЙ ИНДУСТРИИ

Лучшие руководители авиационной промышленности Герои Социалистического Труда А. И. Шахурин, П. В. Дементиев, П. А. Воронин, А. Т. Третьяков — воспитанники славного коллектива завода № 1, по праву носящего ныне имя товарища Сталина.

Народный комиссар Алексей Иванович Шахурин работал в свое время парторгом ЦК ВКП(б) на этом заводе. С приходом т. Шахурина в наркомат там установилась железная дисциплина, образцовый порядок. Он до мельчайших подробностей вникает в работу каждого предприятия. Недавно один из заводов осваивал новый тип боевой машины. Тов. Шахурин по многу раз бывал на предприятии, выяснял, как идут дела, не нужна ли помощь. А когда помощь понадобилась, снова приехал на завод и оперативно руководил работой. Новая машина была изготовлена в срок.

Герой Социалистического Труда Павел Андреевич Воронин — один из строителей первых МИГ. Он прошел путь от ученика-слесаря до заместителя наркома авиационной промышленности. На заводе № 1 он работал с 1920 года. Был слесарем, мастером, начальником цеха, директором. Учился в техникуме, затем в институте.

Несколько лет назад т. Воронин, находясь в командировке в Америке, на одном из авиационных заводов близко познакомился с талантливым советским конструктором, ныне заместителем наркома Петром Васильевичем Дементиевым. Их сроднила работа по созданию новых боевых машин. Тов. Воронин тепло рассказывает о своем друге:

— Дементиев тоже с нашего завода. Он прошел школу главного технолога, главного инженера и директора. Мы любим и уважаем его за техническую смелость, за прекрасное знание современного авиационного производства.

Восемнадцать лет работает на заводе № 1 имени Сталина Герой Социалистического Труда Анатолий Тихонович Третьяков. Конструктор, затем технолог, инженер и ныне директор старейшего русского авиационного завода, он принадлежит к числу тех талантливых людей нашего народа, которых отличает умение творить и дерзать.

Из Действующей армии ежедневно на завод приходят письма летчиков. Сталинские соколы благодарят конструкторов за чудесные машины, оснащенные первоклассным оружием.

— Мы их будем выпускать вдвое и втрое больше, — говорит т. Третьяков. — И с каждым днем машины будут у нас лучше, крепче, стремительней и маневренней.

К. НЕПОМНЯЩИЙ

«Комсомольская Правда»
от 10 сентября 1941 г.

ТВОРЦЫ СОВЕТСКИХ ТАНКОВ

Директора завода вызвали в Кремль. Обсуждалась очередная программа строительства танков. Наркомат уже наметил для завода свое задание. Но директор смело и уверенно предложил увеличить это задание ровно в три раза. Он знал: коллектив кировцев выполнит любое задание для укрепления военной мощи Родины.

Эта беседа в Кремле состоялась еще до войны. Речь шла о танках, идею которых предложил товарищ Сталин. Не случайно Исаак Моисеевич Зальцман и Жозеф Яковлевич Котин говорят:

— Главным конструктором этой боевой машины является товарищ Сталин.

Беседуя с директором завода и главным конструктором, товарищ Сталин ставил перед ними новые технические проблемы, указывал на необходимость учитывать все — и снарядоустойчивость брони, и огневую мощь танка, и удобства для его водителей.

В дни войны с германским фашизмом сказались отличные качества боевой машины кировцев. Нередко танкисты на этих машинах не считают нужным тратить снаряды для подавления живой силы и огневых точек противника. Гусеницами своих танков они давят фашистов, крошат и превращают в металлический лом орудия, минометы, огнеметы.

Могучие советские танки таранят фашистские боевые машины, разбивают их вдребезги. Немалое количество

фашистских танков и бронемашин буквально раздавлено танками Кировского завода.

В самом начале войны директор завода дал слово партии и правительству, что кировцы намного ускорят и увеличат выпуск своих боевых машин. И кировцы сдержали слово.

Тов. Зальцман еще до войны предвидел, что может наступить момент, когда наличного оборудования завода окажется недостаточно для выпуска нужного количества боевых машин. Как-то начальник одного из кузнечных цехов пришел к директору с предложением: построить силами завода один очень важный паровой молот. Тов. Зальцман сразу поддержал эту идею. Он подал мысль построить своими силами еще более сложный агрегат для другого кузнечного цеха.

— Мы строим сложнейшие машины, так неужели же не изготовим молота для своих цехов? — сказал он.

Агрегат заблаговременно стали собирать из запасных частей. Сразу после начала войны он вошел в строй и дал возможность намного увеличить выпуск штампованных деталей для машин.

Кузнечного оборудования все же не хватало для выполнения расширенной программы завода. Директор и дружный коллектив кировцев быстро решили и эту проблему. До войны отдельные детали были переведены со штамповки на литье.

Теперь перед литейными цехами возникли еще более широкие задачи. Буквально в несколько дней была разработана технология для перевода одной очень важной детали с кузнечных молотов на литье. Через неделю уже был налажен массовый выпуск литых деталей.

Тов. Зальцман как директор завода и т. Котин как конструктор принимают решения смело, отчетливо сознавая всю свою ответственность перед Родиной. На технический риск они идут обдуманно, потому что никогда не довольствуются достигнутым и постоянно заглядывают вперед.

Машину, созданную коллективом завода, они проверяют в действии. Когда первые образцы нового танка были испробованы в борьбе с белофиннами, И. М. Зальцман и Ж. Я. Котин не раз выезжали на фронт, на передовые позиции и там в беседах с танкистами выясняли, что еще нужно сделать для усовершенствования кировского танка. Они бывают на передовых позициях и теперь, когда танки завода крушат немецких фашистов. Машина совершенствуется изо дня в день.

Тов. Зальцман — новатор техники, талантливый организатор производства. Он приучает весь коллектив завода, старших и младших командиров, рабочих и работниц, быть инициативными, самостоятельно искать выхода из любых затруднительных положений. Часто в цехах он беседует с мастерами, с передовыми стахановцами, советуется с ними, как лучше поставить дело на том или ином участке. Член партийного комитета завода, он постоянно требует от коммунистов-кировцев быть в авангарде борьбы за программу, данную партией и правительством.

* * *

Тов. Зальцман приехал в Ленинград по окончании Одесского индустриального института. Сменный мастер, затем старший мастер, начальник цеха, главный инженер, директор старейшего и передового машиностроительного завода — таков путь его за последние восемь лет.

Тов. Котин — сын вальцовщика, в юношеские годы работал слесарем. Учился на рабфаке. Потом по набору ЦК партии был направлен в одну из военно-технических академий, которую окончил в 1931 году.

Через шесть лет после окончания академии т. Котин пришел на Кировский завод. При поддержке партийной организации он обновил состав конструкторского бюро и начал выращивать на новой работе молодых специалистов, только что окончивших высшие учебные заведения.

Тов. Котин говорит своим сотрудникам:

— Не засиживайтесь у чертежных досок. Идите в цех, советуйтесь там с мастерами и старыми рабочими. Все свои расчеты проверяйте в цехе, непосредственно на рабочем месте. Изучайте, как дальше ведет себя уже сданная машина.

Все работники конструкторского бюро понимают — надо идти вперед, не останавливаясь на достигнутом, надо любую сложную техническую задачу решать сообща.

И машины Кировского завода совершенствуются с каждым днем Отечественной войны. Их великолепные боевые качества проверены во многих и многих сражениях.

Котин прошел отличную школу в рядах Красной Армии, получил идейное воспитание в рядах славной большевистской партии. Ныне он вместе с тысячами кировцев находится в первых рядах бойцов, защищающих свою Родину, свой любимый город.

Незадолго до войны Ж. Я. Котин получил Сталинскую

премию. Ныне Исаак Моисеевич Зальцман и Жозеф Яковлевич Котин — Герои Социалистического Труда.

Многие работники Кировского завода получили высокие награды в эти героические дни обороны города Ленина от натиска фашистских орд. Конструкторское бюро, возглавляемое т. Котиным, стало центром, где находят свое техническое воплощение сотни предложений об укреплении обороны города. Для сокрушительного удара по врагу кировцы дадут еще больше своих замечательных грозных машин.

Г. ПИТЕРСКИЙ
Н. ДЕДКОВ

Ленинград, 20 сентября
«Известия» от 21 сентября 1941 г.

ПО-НОВОМУ, ПО-ВОЕННОМУ

Коллектив железнодорожного цеха Новотрубного завода, возглавляемый т. Ивановым, работает теперь по-новому, по-военному.

За много тысяч километров отправляли с завода паровозы, нуждавшиеся в капитальном ремонте.

— Нельзя этого делать теперь, — решил начальник заводского депо т. Данилов со своим коллективом. И несмотря на то, что база депо чрезвычайно ограничена, здесь сумели капитально отремонтировать три паровоза. Этим сэкономили заводу 80 тысяч рублей.

Десятки заводских вагонов были в неисправности. Теперь почти все на ходу. Одна платформа больше года лежала разбитой где-то под откосом. Ее оттуда вытащили, выправили помятую раму, поставили на скаты, устроили брусья, деревянный настил, привели в полный порядок.

Заслуга коллектива цеха и в том, что он своими силами, у себя на месте научился делать ряд таких запасных частей и такой инструмент, которые раньше приобретались на стороне.

Не без гордости говорят на заводе о кузнеце т. Филатове, который в совершенстве владеет и мастерством котельщика. Много инициативы проявляет он в работе. Приведем характерный пример. С другого предприятия получили запущенный паровоз. В задней стенке был разрыв листа огневой топки. Лист требовалось заменить новым. Специалисты заявили, что на эту работу потребуется месячный срок и обойдется она в 15 тысяч рублей.

Цех не мог ждать такого срока. Тогда Филатов решил

отремонтировать паровозную топку по-своему. Он вырубил поврежденную часть заднего листа, из медной болванки сделал заплату, а потом поставил ее на заклепки. Всю эту работу Филатов выполнил в течение трех суток.

Инициативно и отважно работает весь коллектив цеха. Механик Крачковский привел в боевую готовность все краны, и они не простаивают в ремонте. Машинист моторного крана Галактионов, бывший слесарь, сам ремонтирует свой кран, устраняя малейшие неполадки на ходу. Так же замечательно трудится кадровик цеха слесарь Савельев. Он с одинаковым успехом выполняет и кровельные, и арматурные, и котельные работы.

Слаженно и четко выполняют свои обязанности диспетчеры Шалыгин и Веричев, паровозные машинисты Логиновских, Уступалов, Михайлов, Сеницин, составители Селянин и Шевелдышев.

Д. ПЛЕШИВОВ

«Уральский рабочий» от 4 сентября 1941 г.

ДОСТОЙНАЯ ЗАМЕНА

...В первые дни войны в учебный комбинат Соломбальского завода пришла Мария Филева. Она прямо направилась в кабинет к заместителю начальника комбината и положила на стол коротенькое заявление: «Прошу обучить меня на шофера. Буду отлично водить машину».

— Это трудоемкая профессия, — сказали Филевой, — шофером может быть...

— А разве мужу моему легче? — перебила она. — Разве тем, кто вместе с ним бьет фашистов на фронте, легче? Я буду хорошим шофером. Даю слово.

Домашняя хозяйка Мария Филева стала шофером.

В учебный комбинат пришли десятки женщин. Многие из них уже работают токарями, электросварщицами, кочегарами и даже кузнецами, успешно заменяя мужчин, ушедших на фронт.

Павла Сафонова стала револьверщицей. Она еще очень молода, но едва ли найдется в цехе другой рабочий, который лучше Сафоновой знал бы сложный револьверный станок. И все же знания ее кажутся девушке недостаточными. Она приходит в цех задолго до начала смены, присматривается к работе других стахановцев, выспрашивает у мастеров, как лучше, быстрее, сподручнее обрабатывать детали. Не спешит девушка домой и после работы: уходит только тогда, когда выполнено задание.

— Двухсотница, — говорят о ней мастера. — Руки у нее золотые. Если Сафонова взялась за работу, можно не беспокоиться: сделает так, что любь-дорого.

Вместе с Сафоновой работают в механическом цехе и другие девушки: Клава Давыдова, строгальщица Кувакина, фрезеровщица Жданова, разметчица Тася Хаймусова. Много девушек за последнее время появилось в литейном, котельном, кузнечном и электросварочном цехах.

Анастасия Ерастова была первой женщиной, решившей освоить сугубо «мужскую» профессию электросварщика. В те дни, когда она впервые пришла на завод, это желание многим показалось почти дерзким. А сейчас никого уже не удивляет, что электросварщице Ерастовой поручают очень ответственные, сложные работы и что выполняет она их блестяще. Во время боев с белофиннами, когда некоторые рабочие ушли на фронт, Ерастова сама подыскала и подготовила им замену: на их место встали домашние хозяйки Фадеева, Достовалова, Бадьян, Воробьева и другие. Так профессия электросварщика стала не только мужской, но и женской.

В дни Отечественной войны электросварщицы с новой силой показали тот широкий стахановский размах, на который способны наши советские женщины. Во всем цехе нет ни одной работницы, которая не выполняла бы сменных норм, а у Бадьян, Воробьевой, Поповой, Анисимовой производительность труда составляет от 150 до 220 процентов.

Шура Бабенкова все время была известна в строительной конторе Цуморстроя как неплохая подсобница-чернорабочая. Недавно конторе срочно потребовался экскаваторщик. Как быть? Ведь на подготовку рабочего этой сложной профессии надо немало времени, а его-то как раз и не было. И неожиданно выяснилось, что Шура Бабенкова несколько лет назад была трактористкой, что она очень интересуется экскаватором, что, честное слово, она неплохо справится с этой работой. Так говорила Шура, и хотя ей не очень верили, но выхода не было, и решили попробовать. В первый день Шура часто краснела от своего неумения. На следующее утро она сосредоточенно, напряженно, но четко управляла длинным хоботом сложной машины. Ей казалось, что она всю свою жизнь провела за рычагами этой умной машины.

— Она с любым потягается, — говорят о Бабенковой рабочие, — любого в работе за пояс заткнет!

Тот же путь, что и Шура Бабенкова, прошла в дни

войны бригада чернорабочих т. Селезневой. Только стали члены ее не экскаваторщиками, а бетонщиками, потому что видели, как отсутствие бетонщиков тормозит все работы на строительстве важного объекта. Для того чтобы стать опытным бетонщиком, надо учиться месяца два-три, селезневская же бригада освоила эту профессию в пять-шесть дней. И освоила хорошо: 130 процентов дает она на укладке бетона.

В дни войны наши женщины, советские патриотки, свято выполняют долг перед отечеством. Работают честно, самоотверженно, не жалея ни сил, ни энергии.

Ал. МИРОНОВ

«Правда Севера» от 4 сентября 1941 г.

СТАНКИ ПОПАДУТ В НАДЕЖНЫЕ РУКИ

Еще недавно они впервые пришли сюда. Непривычный шум оглушал их, громадность цеха вызывала растерянность, станки пугали сложностью, казавшейся непреодолимой.

Так мало времени прошло — и все по-другому. Они привычно приходят по утрам, уверенной рукой пускают станок. Им поручена сложная, ответственная работа, и они с успехом справляются с нею — испытатель моторов Бульба, бригадир сдаточного цеха Федоров, водитель того же цеха Алавердиев и многие другие. В конце дня неизменно выясняется, что задание ими перевыполнено, и никто не удивляется этому. Все в порядке, бывшие ученики школы ФЗО стали квалифицированными рабочими. Они работают тут же, рядом со своей школой, на тракторном заводе. И они немало помогли заводу, доказав все преимущества новой системы подготовки трудовых резервов.

Уже первый выпуск школы ФЗО позволил заводу всегда иметь нужных людей в нужную минуту, создал подлинные трудовые резервы, значительно способствующие успешной работе предприятия.

Питомцы школы ФЗО, близко ли, далеко ли они сейчас от нее, не теряют связи с родной школой. Петр Поченцов пишет директору школы из Куйбышева, что он считает необходимым отчитаться перед своими учителями и воспитателями. Дальше он сообщает, что работает шишельником, выполняет норму на 120 процентов и больше, вступил в профсоюз, подписался на заем в размере среднего месячного заработка.

Все интересно в этом письме: и цифры первых успехов молодого рабочего, и убеждение в том, что он ответствен за правильное использование полученных знаний, и упоминание о профсоюзе, о подписке на заем.

Поченцов правильно понял, что школа ФЗО готовит не просто квалифицированных рабочих, но рабочих сознательных и политически развитых, знающих, чем они обязаны стране и для чего работают.

Если так обстояло дело раньше, то можно смело сказать, что сейчас, в условиях военного времени, резко возросли чувство ответственности перед Родиной и политическая сознательность этой молодежи, которая готовится пополнить собой ряды советских рабочих.

Второй набор в школу ФЗО был проведен досрочно. Затем был объявлен дополнительный прием. И вот этот второй, дополнительный прием состоит весь из добровольцев и на 90 процентов из девушек.

Школа хорошо подготовилась к приему новых учащихся. Были приготовлены рабочие места, оборудование, ящики для хранения инструментов, каждый учащийся был ознакомлен с правилами технической безопасности — словом, было сделано все, чтобы он с первого дня вошел в атмосферу передового советского предприятия.

Вот первые результаты. Уже в первый месяц учащиеся получили за свою работу 14 тысяч рублей. На втором месяце многие учащиеся начали выполнять и перевыполнять задания квалифицированного рабочего. Среди них — формовщик Кудашев, выработавший две нормы, токарь Федотов — полторы нормы, прессовщица Киселева, слесарь-сборщик Шаляпин, кузнец-штамповщик Давыдов, фрезеровщик Никифоров и другие. Их вдвое больше, чем на том же этапе обучения в предыдущем приеме. Выполняют и перевыполняют задания целые группы стержневиков (мастер Горбунов), формовщиков (мастер Хромцов), слесарей-сборщиков (мастер Страхов), слесарей (мастер Гловацких).

Но эти группы передовые не только на производстве, они передовые и в быту: сохраняют образцовый порядок в общежитиях, все поголовно сдали нормы ПВХО. Готовясь к труду у станка, учащиеся ни на минуту не забывают, что им придется, быть может, защищать Родину с оружием в руках. Строевое обучение, ПВХО, ГСО — этому отданы вечера.

А. КАМСКИЙ

«Сталинградская Правда» от 4 сентября 1941 г.

ШКОЛА СТАХАНОВКИ СОЛОДКОВОЙ

Антонина Михайловна Солодкова пользуется заслуженным авторитетом на своем предприятии. Коллектив уважает ее как высококвалифицированную ватерщицу, которая своим личным примером, советом и показом помогает другим освоить технику дела.

Быстрота в работе, сметливость, расчетливость, умение ценить каждую секунду времени, стремление помочь подругам — вот чем отличается стахановка Солодкова. Ее приемы подлинно стахановские. Количество обслуживаемых ею веретен почти на 50 процентов превышает норму. В два раза меньше по сравнению с заданием она затрачивает времени на присучку нити, смену ровницы, смотку остатков, чистку нижних и верхних чистителей. Немало времени она экономит при обходе машин по маршруту. Все это обеспечивает Солодковой высокую производительность труда.

Не ограничивается Антонина Солодкова тем, что сама хорошо работает. В дни Отечественной войны на фабрику пришло много новых работниц. Им надо помочь освоить производство, научить их выполнять нормы выработки и выпускать добротную пряжу. Солодкова и в довоенное время помогала новичкам, обучила в своей школе десятки ватерщиц стахановским приемам труда. Теперь она с особой настойчивостью взялась за обучение молодых работниц Новиковой, Исаковой, Николаевой и Логиновой.

У каждой из этих работниц были свои недостатки. Одна из них не могла освоить маршрута, другая тратила много времени на присучку нити, у третьей с качеством было неблагополучно, четвертая не могла правильно организовать уход за машиной. До начала смены и после окончания работы Солодкову можно было видеть возле машин молодых работниц. Она внимательно изучала их движения, подмечала недостатки.

Затем она собрала всех четырех работниц в техническом кабинете, рассказала о своем опыте работы. Тут же проиллюстрировала их недостатки и сказала:

— В военное время нельзя отставать. Фабрика получила срочный заказ. Чтобы быстрее его выполнить, надо хорошо работать всему коллективу, каждой из нас в отдельности...

Наутро она пришла к машинам работницы Новиковой. Ей она помогла навести порядок на рабочем месте.

Научила очищать от пуха брус, правильно пользоваться погонялкой.

Так по очереди т. Солодкова ходила то к одной, то к другой работнице, настойчиво помогала им в короткое время освоить стахановские приемы, учила с толком использовать каждую секунду рабочего времени. Понадобилось всего лишь 20 часов, чтобы четыре молодые работницы восприняли от Солодковой все лучшее и по-новому организовали свой труд.

За этот невиданно короткий срок тт. Новикова, Николаева, Исакова и Логинова с помощью Антонины Михайловны научились работать совершенно по-иному. Исчезла бесполезная суетливость, движения стали расчетливей. Рабочие места и машины теперь чисты и опрятны.

Все ученицы школы стахановки Солодковой перевыполняют нормы выработки и выпускают доброкачественную пряжу. Но она до последнего дня не оставляла их без своего внимания. Приходила к ним, присматривалась, правильно ли они заводят нить, не сбиваются ли с маршрута, и, убедившись, что дело идет хорошо, уходила удовлетворенная. Ее труды не пропали даром. Молодые работницы встали в ряды стахановок и неуклонно повышают производительность труда.

Подготовив значительное количество ватерщиц, Антонина Михайловна сама стала учиться на помощника мастера. Вот уже несколько дней она аккуратно посещает курсы, упорно и успешно овладевает новой профессией, готовясь встать к руководству комплектом.

В. ПАВЛОВ

«Пролетарская Правда» от 6 сентября 1941 г.

ПАТРИОТИЧЕСКИЙ И ТРУДОВОЙ ПОДЪЕМ

С каждым днем растет всенародный патриотический подъем. Трудящиеся Советской страны своим самоотверженным трудом помогают доблестной Красной Армии, Военно-Морскому Флоту наносить сокрушительные удары по ордам фашистских людоедов, вероломно напавшим на Советский Союз.

Трудящиеся Советской Мордовии вместе со всем народом отдают все свои силы на укрепление военного могущества своей Родины. Ярким доказательством этого является все более нарастающий политический и производственный подъем рабочих и колхозников нашей республики.

В прошлые годы в некоторых сельскохозяйственных артелях колхозники ждали, когда косовицу хлебов проведут машины МТС. Об уборке косами и серпами даже не думали. В этом году, в связи с военной обстановкой в стране, почти нет ни одного колхоза, где для ускорения косовицы хлебов не применяли бы кос и серпов. Каждый колхоз стремился и стремится убрать урожай в сжатые сроки и без потерь, досрочно послать для родной Красной Армии центнеры полновесного зерна.

В колхозе «Хоррият» Лямбирского района 40 процентов озимых хлебов убрано вручную. Ряд колхозников вместо нормы в 0,40 гектара скашивал по 1 гектару и больше.

Колхозники сельскохозяйственной артели «XVII партсъезд» Кочкуровского района тт. М. П. Начаркин, Д. М. Дудин, И. К. Трошин на косовице хлебов норму выполняли на 200 процентов. Вязальщицы снопов этого же колхоза тт. Е. В. Нестеркина, У. А. Платснова, М. И. Дудина и многие другие вырабатывали в три раза больше нормы.

В колхозе «Красный Октябрь» Атяшевского района тт. И. П. Хуторов и Адушкин на жатке-самосброске вместо нормы в 4,5 гектара скашивали по 9 гектаров.

Большевистские образцы выполнения своего долга перед Родиной показывает учительство. Поднялась широкая волна массового участия их на сельскохозяйственных уборочных работах. Учителя являются и организаторами участия в уборочных работах учащихся школ. Директор неполной средней школы Алтарского сельсовета Лямбирского района т. Беляев в колхозе «Шефная звезда» организовал из 200 человек учащихся и пионеров своей школы несколько звеньев, которые за дни уборочной кампании выработали более 5 тысяч трудодней. Только из 15 средних и неполных средних школ этого района принимают участие в уборочных работах 1754 учащихся, выработавших за это время 29 тысяч трудодней. Отдельные ученики, как Ашимов из 6-го класса Аксеновской неполной средней школы, выработали 120 трудодней. Ученица 7-го класса Н.-Чермишевской школы Субаева выработала за дни уборки 104 трудодня, а таких учеников в районе не мало.

За дни войны трудящиеся Мордовской АССР внесли в фонд обороны Родины на 3 324 655 рублей облигаций госзаймов. Только в городе Саранске сдали облигаций на 1 040 230 рублей. С каждым днем увеличивается поступление в фонд обороны и наличных денег. За последние дни поступило около полумиллиона рублей.

Растет и ширится помощь трудящихся бойцам Красной

Армии. Тысячи посылок уже пошли на фронт, другие десятки тысяч готовятся к отправке. Каждый работающий в тылу старается чем может отметить свою любовь к бойцам родной Красной Армии, ожесточенно борющимся с коварным врагом.

М. ПАВЛИНОВ

«Красная Мордовия» от 6 сентября 1941 г.

КОМСОМОЛЬЦЫ ЭКОНОМЯТ ГОРЮЧЕЕ

— Горючее — это пища самолетов, танков, машин, громящих гитлеровские полчища. Время военное, экономь горючее на производстве! — этот лозунг комсомольцев горячо подхватили все работники Макутской МТС.

Комсомольцы добились того, что во всех колхозах есть заправочные тележки, оборудованы подвалы для хранения горючего, приведена в порядок бочкотара и, самое главное, трактористы строго соблюдают правила технического ухода за трактором.

Благодаря бережливому, хозяйскому отношению к делу Макутская МТС сэкономила к концу уборочной кампании 28 тонн горючего. В прошлом году в это время она имела перерасход в 70 тонн.

Среди трактористов нет ни одного, который не сэкономил бы десятки, а то и сотни килограммов керосина. Комсомолец т. Краснооков сэкономил уже 406 килограммов, участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки т. Игнатенко — 467, а комсомолец т. Кузьменко — 804 килограмма горючего.

Комсомольцы стараются шире распространить свой опыт экономии горючего, добиваются того, чтобы МТС в целом сберегла побольше горючего, нужного фронту.

— Хочешь экономить горючее, — учит молодых трактористов участник боев с белофиннами комсомолец Краснооков, — хорошо ухаживай за трактором, во-время смазывай его, регулируй. Машина любит уход. Будешь любовно относиться к ней — труды твои окупятся сторицей, а не будешь — пеняй на себя.

Тов. Краснооков подсчитал, что 15—20 минут работы трактора вхолостую — это потеря двух с половиной — трех килограммов горючего. Поэтому он непримирим к тем трактористам, которые, останавливая машину, ленятся заглушить мотор.

— Мотор заведешь за две минуты, а утраченные килограммы горючего не вернешь, — говорит он.

Многие комсомольцы Макутской МТС ушли на фронт. — Не забывайте об экономии! — дали они наказ оставшимся товарищам.

И оставшиеся не забывают. Сбереженными тоннами горючего они помогают фронту громить ненавистного врага.

Р. ПОСТОЛОВСКАЯ

Колайский район

«Красный Крым» от 5 сентября 1941 г.

КУЗНЕЦ

Колхозный кузнец ушел на фронт. Горн остыл. У запертой на замок кузницы выстроилось несколько поломанных телег, а сзади них — жнейка с изломанными граблями. Чинить было некому.

Председатель колхоза имени Сталинской Конституции (Волховский район) Махомолкин напрасно искал в селе человека, привычного к наковальне, и уже безнадежно махнул рукой, как вдруг однажды вечером, вернувшись с поля, застал в правлении подростка. Было ему лет пятнадцать, в руках он держал корзину.

— Чего тебе? — спросил председатель.

— Кузнец требуется?

— Требуется, — сказал председатель. — Если знаешь подходящего человека, пришли. Родич твой, что ли?

Подросток смутился.

— Нет, — проговорил он, помолчав. — Я сам могу ковать.

— Ты?

Председатель недоверчиво посмотрел на низкорослого паренька. Это был Петя Чиркунов, сын сельского сапожника.

— Ты подумай, что говоришь, — строго сказал председатель. — Это ведь не валенки подшивать.

Петя обиделся. Он молча опустил руку в корзину и извлек маленький грузовой автомобиль. Это была точная и ловко сработанная из дерева и железа модель колхозной машины. Петя снова полез в корзину и поставил на стол модель телеги. Затем появились маленькие плуги, бороны.

— Я разное рукоделие знаю, — сказал юноша, выложив свои сокровища. — Я и в кузнице сколько раз был, присматривался.

Решено было дать Чиркунову испытательный срок два дня.

Вновь запылал горн в колхозной кузнице. Колхозники, проходившие мимо, останавливались, чтобы посмотреть

на юного мастера. Работал он на-диво. В первый же день починил телеги — поставил новые болты, скрепил дышла, оковки.

На другое утро принялся за жнейку. Колхознику Крылову, который должен был работать на ней, Петя обещал закончить починку к полудню. Крылов спросил:

— И зубья вставишь?

— Вставлю, — сказал Петя.

Оказалось, что Петя Чиркунов превосходно знает и косилку. Когда она разладилась, колхозники хотели было послать в машинно-тракторную станцию за механиком. Но Чиркунов и на этот раз выручил колхоз. Он быстро разобрал коробку, сделал все, что нужно, и косилка в тот же день вышла в поле.

Одного нехватает еще Пете — это профессиональной сноровки. Недавно он сильно ушиб ногу молотком. Нога несколько дней болела. Тяжело было стоять у наковальни. Колхозники предложили юноше оставить работу. Петя отказался.

— А на фронте какво бывает? — сказал он. — Нет, я буду работать.

В. ДРУЖИНИН

«Комсомольская Правда» от 21 сентября 1941 г.